

© 2012 г. Н.М. СТОЙНОВА

РЕФАКТИВ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ*

В работе приводятся результаты типологического исследования морфологических показателей рефактива ('еще раз', 'снова', 'обратно'). Предлагается классификация значений рефактивной зоны, делаются предположения о ее семантической организации. Выявляются типологически стабильные комбинации рефактивных значений. Обсуждаются возможности сочетания рефактива с глаголами разных лексических классов. Перечисляются возможные типы полисемии рефактива с другими глагольными категориями. В исследуемую выборку языков вошли данные языков из всех крупных географических зон: Европы (в том числе Кавказа), Азии, Океании (в том числе Новой Гвинеи), Австралии, Северной, Южной и Центральной Америки.

ВВЕДЕНИЕ

Собственно рефактивным значением принято называть значение однократного повторения некоторой ситуации (ср. значения русских наречий *опять* и *снова*). В литературе для этого явления также часто используются такие термины, как «репетитив» (термин, принятый в большинстве англоязычных работ) и «итератив» (см., например [Wichmann 1992]), реже «реитератив» (см., например [Guillaume 2008]).

В большинстве языков средства, с помощью которых выражается значение рефактива, обслуживают достаточно широкий круг значений, в том числе и довольно далеко отстоящих от собственно рефактивного. К значениям, регулярно выражаемым тем же показателем, что и значение однократного повторения, относятся, в частности: 'возвращение в исходное состояние', 'движение в обратном направлении', 'действие, направленное на улучшение результата аналогичного предшествующего действия', 'действие, совершаемое в ответ на некоторое другое действие и др. Тем самым имеет смысл говорить не об одном рефактивном значении, а о достаточно обширной семантической зоне рефактива.

Способы выражения рефактивных значений разнообразны и типологически неоднородны. Такого рода значения могут выражаться с помощью:

а) автономных лексических единиц (наречий, частиц) или их сочетаний, б) сериальных конструкций (1) и конструкций со вспомогательным глаголом (2), и, наконец, в) аффиксов (3):

(1) хоава (океанийские, Соломоновы острова), [Davis 2003: 163]

tiŋo	pule	ria
печь	возвращаться	3PL

'Они опять готовили' (букв. 'готовили-возвращались'). СЕРИАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

(2) аква (банту, Конго), [Аксенова, Топорова 2002: 193]

mwa	a-wud-i	ε-kε
жена	3SG- возвращаться -PST	INF-идти

'Жена пошла опять' / 'пошла дальше' (букв.: 'вернулась пойти'). ВСПОМ. ГЛАГОЛ

* Автор выражает глубокую благодарность В.А. Плунонгу и анонимному рецензенту журнала «Вопросы языкознания» за многочисленные ценные замечания, а также Институту эволюционной антропологии им. Макса Планка в Лейпциге и лично заведующему Отделением лингвистики Б. Комри за доступ к значительной части использованной в статье лингвистической литературы.

(3) цян (тибето-бирманские, Китай), [LaPolla, Huang 2003: 168]

ме: de-ci-jə-ji

дождь вниз-падать/освободить-REP-ASP

‘Опять идет дождь’. АФФИКС

В фокусе данной работы находятся морфологические показатели рефактива. Такое формальное ограничение, с одной стороны, продиктовано чисто практическим желанием сделать рассматриваемый материал обозримым, а с другой стороны, основано на предположении о том, что за формальным противопоставлением морфологических и неморфологических показателей могут стоять и некоторые содержательные различия. Так, в единственной крупной типологической работе, посвященной показателям рефактива [Wälchli 2006], в качестве основного положения высказывается идея о наличии двух типов рефактивных показателей – так называемых «тяжелых» (эмфатических) и «легких» (неэмфатических)¹. Это противопоставление, по данным Б. Вельхли, коррелирует именно с морфологическим статусом показателя – аффиксами выражаются чаще всего «легкие» рефактивы.

Работа представляет собой типологическое исследование на материале грамматических описаний, словарей, специальных работ по показателям рефактива в конкретных языках и текстах. Основная выборка содержит 34 морфологических показателя рефактива (33 языка): см. приложение. Для каждого из этих показателей проанализировано максимально доступное количество употреблений из грамматических описаний (найденных поиском по всей грамматике) и текстов (если для данного языка доступны тексты). В отдельных случаях привлекались специальные работы, посвященные данному показателю. Использованы также две вспомогательные выборки языков, для которых доступно меньшее количество данных по рефактивным маркерам. В первую входит ок. 150 языков с морфологическими показателями рефактива, во вторую – ок. 300 языков с неморфологическим рефактивом (частицы, глагольные конструкции). Ни одна из выборок не является строго сбалансированной по генетической и ареальной принадлежности (в частности в силу того, что морфологические показатели рефактива представлены очень неравномерно в разных языковых семьях и ареалах). Тем не менее, при отборе рефактивных аффиксов ставилась цель максимально широкого охвата языков мира. Также для сбора информации о сочетаемости рефактива с разными классами глагольных лексем по данным словарей был собран материал по 70 глагольным лексемам для семи показателей: *re-* во французском, *wieder-* и *zurück-* – в немецком, *nepe-* – в русском, *-ma* – в жаравара, *-imě* – в вайана, *-gu* – в нанайском (подробнее см. п. 1.2.3).

Основными задачами работы являются инвентаризация и классификация значений семантической зоны рефактива, установление синхронных и диахронических связей между ними, выявление типологически стабильных комбинаций рефактивных значений, а также определение положения рефактивной зоны в семантическом пространстве глагольных категорий.

Работа организована следующим образом. Раздел 1 посвящен устройству семантической зоны рефактива. В разделе 2 более подробно рассматриваются некоторые проблемы, связанные с классификацией рефактивных значений. Раздел 3 посвящен «внешним» семантическим связям рефактива с другими глагольными категориями.

1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА РЕФАКТИВА

В данном разделе рассматривается внутренняя семантическая организация зоны рефактива. В п. 1.1 приводится список рефактивных значений. В п. 1.2 проводится классификация рефактивных значений по разным параметрам: с точки зрения положения в системе значений (центральные vs. периферийные), с точки зрения типа взаимодействия с аргументной структурой, с точки зрения возможностей сочетания с разными лексическими классами. В п. 1.3 приводится и комментируется семантическая карта рефактивной зоны; п. 1.4 посвящен «широким рефактивам», сочетающим несколько рефактивных значений, в п. 1.5 обсуждаются гипотезы о диахроническом развитии рефактивных показателей.

¹ «light vs. heavy again-expressions»

1.1. Инвентарь рефактивных значений

Рефактивные аффиксы, как будет показано ниже, редко выражают единственное значение, чаще они совмещают несколько близких значений, связанных с однократным повторением, добавлением, возвращением. Такого рода значения с семантической точки зрения сходны тем, что все они относятся к классу так называемых значений с пресуппозитивным компонентом (presupposition triggers), см., например [von Stechow 1996; Падучева 2001: 73] и др. Значения, выражаемые рефактивными аффиксами, в пресуппозиции несут информацию о предшествующей ситуации, в некотором смысле аналогичной той, что описывается в ассерции: *Он опять позвонил* > ‘раньше уже звонил’; *Он ушел обратно* > ‘раньше там уже был’; *Он выпил еще кофе* > ‘до этого уже пил кофе’. Для обозначения этой ситуации далее используется термин «исходная ситуация».

Значения рефактивной зоны в языках мира по-разному и с разной степенью подробности классифицируются в базе данных «Verbum» В.А. Плунгяна², в исследованиях [Шлуинский 2005: 67–76] и [Wälchli 2006: 74–78]. Отдельные предложения по классификации рефактивных значений содержатся в работах, посвященных семантике рефактивных показателей в конкретных языках: например, в [Lihtenberk 1991] (океанские языки), [Аркадьев, Короткова 2010] (адыгейский язык), [Evans 1995] (майали), ср. также обширную литературу по семантике рефактивных наречий в языках Европы: [von Stechow 1996; Fabricius-Hansen 2001; Tovena, Donazzan 2008] и мн. др.

На основании предложений по классификации рефактивных значений, высказанных в этих работах, и нашего собственного анализа материала различных языков мы выделяем следующий набор из десяти основных рефактивных значений:

- редитивное;
- реститутивное;
- респонсивное;
- репетитивное;
- реконструктивное;
- репетитивное с нетождественным участником;
- значение ‘также’;
- значение рефактивного континуатива;
- аддитивное;
- транспозитивное.

Ниже приводятся краткие унифицированные толкования этих значений в терминах «пресуппозиции – ассерции» и примеры на каждое из них. Более подробно отдельные значения рефактивной зоны обсуждаются в п. 2.

- **репетитив** (‘сделать еще раз’):

(4) ндут (атлантические, Сенегал), [Morgan 1996: 155]

dí	daas-aat-te	foŋ
3	let-REP-PFV	cry

{Она вскрикнула. Все слышали крик} ‘Она **снова**³ вскрикнула’.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S; Пресуппозиция: ранее имела место аналогичная ситуация S₀.

- **редитив** (‘вернуться в исходную точку’):

(5) удэгейский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Nikolaeva et al. 2003: 37]

eme-gi-je,	safani,	guŋ-ki-ni
come-REP-IMP	enough	say-PST-3SG

‘**Возвращайся домой**, достаточно! – сказал (он)’.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации движения S из пункта А в пункт В; Пресуппозиция: ранее субъект уже находился в пункте В; Более дробная классификация редитивных употреблений приводится в п. 2.

² <http://www.mccme.ru/ling/verbum.html>

³ Полу жирным выделены средства выражения соответствующего значения в русском языке.

• **реститутив** ('вернуться в исходное состояние'):

- (6) агульский (нахско-дагестанские, Дагестан), [Maisak, Merdanova 2011]
 waʔ, suwaɾ, me q:ɛnfet-ar qa-gunt'-q'.a-s,
 no Suwaɾ this candy-PL REP-<gather>-do.IPRF-INF
 xe-s te idemi-s c'.a-jde ʃeʔ kɾan-du
 we:INCL-DAT this man-DAT give.IPRF-PTCP thing need-COP:NEG:Q
 'Нет, Сувар, надо эти конфеты {рассыпавшиеся} (снова) **собрать**, нам ведь нужно что-ни-
 будь, чтобы дать этому мужчине'.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S, характеризующейся переходом из состояния А в состояние В; Пресуппозиция: ранее уже имело место (состояние В).

• **респонсив** ('сделать в ответ на аналогичное действие'):

- (7) аранда (пама-ньюнга, Австралия), [Wilkins 1989: 277]
 re ayenge tw-irtne-ke
 3SG.A 1SG.P hit-REP-PST.COMPL
 'Он ударил меня **в ответ** (после того, как я ударил его)'.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S с участником X в роли А и участником У в роли В; Пресуппозиция: ранее имела место аналогичная ситуация S₀ с участником X в роли В и участником У в роли А. Для некоторых показателей возможно также более «широкое» употребление респонсива, когда предшествующая ситуация не совпадает с описываемой, а только инициирует ее. Ср. хотя бы русские примеры типа *Он меня оскорбил, а я в ответ дал ему пощечину*.

• **реконструктив** ('сделать еще раз по-другому, лучше'):

- (8) русский
 ...многие койки в камерах были заправлены небрежно, и Наделашин не проявил твердости вызвать соответствующих заключенных с работы и **пере**-заправить [А.И. Солженицын. В круге первом (1968)]⁴.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S; Пресуппозиция: ранее имела место аналогичная ситуация S₀, результат которой был признан неудовлетворительным.

• **транспозитив** ('сделать для кого-то так же, как было сделано для другого'):

- (9) нанайский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Оскольская 2010]
 maɲaɲ=tan'i Polokto-či gusəɾə-gu-xə-n'i
 жена=же Полокто-ALL рассказывать-REP-PTCP.PST-3SG
 {Откуда Полокто об этом знает? – Соседка сказала его жене}, 'а жена **пересказала** Полокто'.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S с участником X в роли А и участником У в роли В; Пресуппозиция: ранее имела место аналогичная ситуация S₀ с участником X в роли В и участником Z в роли А.

• **репетитив с нетождественным участником (репетитив+)** ('повторение ситуации с новым участником'):

- (10) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Аркадьев, Короткова 2010]
 asʎan ʎa-ʎe, jɛʎane ɾwəsʎan ʎe-ʒ'ə-ʎe
 Аслан прыгнуть-PST потом Руслан прыгнуть-REP-PST
 'Аслан прыгнул, потом и Руслан **следом** прыгнул'.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S; Пресуппозиция: ситуация S уже имела место ранее с другим составом участников.

Не только репетитивное значение для разных показателей может иметь большие или меньшие ограничения на состав участников (см. п. 1.2.2). Репетитив с нетождественным

⁴ Здесь и далее примеры из [НКРЯ].

участником выделяется в отдельную «функцию» рефактивного показателя в значительной мере условно. Основными аргументами в пользу такого технического решения послужило центральное положение репетитива в ряду рефактивных значений и относительная легкость выявления диагностических контекстов для репетитива с нетождественным участником.

Ограничения на состав участников могут зависеть от роли участника и его референциального статуса (см. п. 2.1.1). В отдельное значение репетитива с нетождественным участником нами выделяются употребления с участником в роли субъекта одностепенной ситуации vs. агенса и/или пациенса двухстепенной ситуации с определенным референциальным статусом.

- **‘также’** (‘аналогичная ситуация с другим участником’):

- (11) кавиненья (таканские, Боливия), [Guillaume 2008]
 Mi-kwe mama-chi? Ani-**nuka**-ya=dya
 2SG-GEN mother-EMPH sit-**REP**-IPFV=FOC
 ‘А ваша мать? Она тоже жива {как отец}?’

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S с участником X; Пресуппозиция: реализация ситуации S с другим составом участников.

Эта функция рефактивного показателя отличается от репетитива с нетождественным участником тем, что в данном случае не принципиальна идея временной последовательности: ситуация, к которой отсылает пресуппозиция, не обязательно предшествует рассматриваемой. Ср. примеры, иллюстрирующие это семантическое различие, и их обсуждение в [Kamp, Rossdeutscher 1994; Huitink 2003]: *На день рождения Мэри у нас будет пицца, и на день рождения Джона **тоже** будет пицца* (‘неизвестно, чей день рождения раньше’, простое тождество) и *На день рождения Мэри у нас будет пицца, на день рождения Джона **опять** будет пицца* (‘день рождения Мэри раньше’, репетитив). Показатели типа ‘также’ часто оформляют именную группу, вводящую нетождественного участника ситуации. Мы же, ограничиваясь областью глагольной деривации, рассматриваем только случаи, когда соответствующую функцию выполняет глагольный показатель, как в приведенном выше примере из кавиненья.

- **рефактивный континуатив** (‘продолжить после перерыва’):

- (12) намиа (сепик-раму, Папуа – Новая Гвинея), [Feldpausch, Feldpausch 1992:94]
pap-p-elli-nak-e-le apinoku
REP-PFV-follow-INCOMPL-NFUT-go tracks
 {Мы постояли немного} ‘И **опять** пошли по следам (свиньи)’.

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации S; Пресуппозиция: ситуация S началась ранее, но была прервана.

С выделением подобных употреблений может быть связана следующая техническая проблема. Результирующее значение ‘продолжить делать’ может возникать не только у рефактивного показателя как такового, но и у рефактивного показателя в сочетании с показателем инхоатива: *опять+начать+делать*. Такие употребления мы не относим к рефактивно-континуативным.

- **аддитив** (‘сделать еще немного’):

- (13) кваза (изолят, Бразилия), [Voort 2004: 462]
 kui-‘e-da-mū
 drink-**REP**-1-volitive
 ‘Я выпью еще!’

Примечание:

Ассерция: реализация ситуации с дополнительной порцией инкрементального объекта X; Пресуппозиция: ранее имела место аналогичная ситуация S₀ с некоторым (недостаточным) количеством инкрементального объекта X.

Не всегда понятно, имеем ли мы дело с аддитивными употреблениями, репетитивными или репетитивными с нетождественным участником. Аддитивный или схожий с аддитивным контекст может оформляться тремя разными способами: а) рефактивный аффикс + (показатель неопределенности) + именная группа, б) рефактивный аффикс + показатель при имени, указывающий на добавление (*еще, больше*) или нетождественность участников

(другой, еще один). Если соответствующий показатель является единственным средством, употребляемым в аддитивном контексте, встает вопрос о различении репетитива и аддитива. Денотативно высказывания типа *Тебе снова налить кофе?* (репетитив) и *Налить тебе еще кофе?* (аддитив) практически тождественны. В обоих случаях в силу прагматики ситуации речь идет о новой порции кофе, вопрос в том, включается ли эта информация в ассертивную часть высказывания или игнорируется говорящим. При работе со вторичными данными мы ориентировались на перевод соответствующего предложения. Если рефактивный показатель при глаголе употребляется совместно с именным аддитивным средством (*съесть-REP еще / больше яблок*) или средством, указывающим на несовпадение участников (*съесть-REP другое яблоко*), мы относили такое употребление к аддитивным.

1.2. Классификация рефактивных значений

Ниже рассматриваются разные способы классификации перечисленных в п. 1.1 рефактивных значений. В п. 1.2.1 вводится противопоставление центральных vs. периферийных значений рефактивной зоны. В п. 1.2.2 обсуждается противопоставление значений рефактивной зоны по соотношению с аргументной структурой предиката. П. 1.2.3 посвящен классификации рефактивных значений по широте охвата глагольной лексики и степени идиоматизации.

1.2.1. Центральные vs. периферийные рефактивные значения

Значения из приведенного выше списка можно условно разделить на «центральные» и «периферийные». В качестве формального критерия мы выбрали частотность значения – процент показателей в выборке, для которых отмечается данное рефактивное значение. Соответствующее число с содержательной точки зрения отражает вероятность наличия соответствующего значения у произвольного рефактивного показателя в произвольном языке.

В таблице 1 для каждого значения приведены соответствующие данные по большой выборке (473 показателя, в том числе неморфологических, данные из грамматических описаний) и контрольные данные по малой выборке (34 показателя, подробный анализ употреблений по текстам):

Таблица 1

Количество показателей в выборке, для которых отмечается каждое из рефактивных значений

значение	по малой выборке (34 показателя)	по большой выборке (473 показателя)
репетитив	82% (28⁵)	70% (332)
реститутив	82% (28)	23% (109)
редитив	68% (23)	27% (126)
аддитив	32% (11)	8% (38)
респонсив	29% (10)	4% (19)
репетитив+	21% (7)	3% (12)
‘также’	15% (5)	нет данных
рефактивный континуатив	9% (3)	3% (14)
реконструктив	9% (3)	5% (26)
транспозитив	6% (2)	2% (7)

⁵ В скобках дано абсолютное число показателей, для которых зафиксировано соответствующее значение.

В соответствии с нашими данными, центральными значениями являются: **репети- тив, реститутив и редитив**. Такой результат, полученный по формальному критерию частотности в языках мира, как кажется, довольно хорошо соотносится с интуитивными представлениями о центральных значениях семантической зоны как о семантически выделенных (прототипических, более элементарных) и диахронически исходных. Удобно также, что данный критерий соответствует интуиции о противопоставлении центральных vs. периферийных значений как о шкале, а не жесткой бинарной оппозиции⁶.

1.2.2. Взаимодействие рефактивных значений с аргументной структурой: значения с постоянным vs. измененным составом участников

Еще одним критерием для классификации значений рефактивной зоны может служить характер их взаимодействия с аргументной структурой предиката. Разные значения рефактивной зоны в разных языках предполагают разное соотношение состава участников описываемой и исходной ситуаций. Можно говорить об участниках, «прозрачных» и «непрозрачных» для рефактива. Изменение «прозрачного» участника не влияет на возможность употребления рефактивного маркера, иными словами ситуация с таким участником рассматривается в языке как аналогичная исходной независимо от изменений в составе участников.

Будет ли участник прозрачен для рефактива, определяется целым рядом факторов и регулируется, как кажется, достаточно сложными конкретно-языковыми правилами. Например, значимым может быть референциальный статус участника. Ср. следующие примеры:

- (14) Анна **опять** написала какое-то стихотворение.
а) ^{???}‘то же, что написала в прошлый раз’
б) ^{ok}‘не то, что в прошлый раз’
- (15) Анна **переписала** какое-то стихотворение.
а) ^{ok}‘то же, что написала в прошлый раз’
б) ^{*}‘не то, что в прошлый раз’

В обоих примерах пациенс вводится неопределенной именной группой. При этом приставка *пере-* допускает только «связанное» чтение, при котором пациенс исходной ситуации тождественен пациенсу рассматриваемой (один и тот же неопределенный участник), а наречие *опять* допускает (а в данном прагматическом контексте делает единственно возможной) интерпретацию, при которой участники исходной и рассматриваемой ситуаций не тождественны.

Другой важный фактор – семантическая роль участника. Так, для той же приставки *пере-* участник с синтаксическим статусом подлежащего переходного глагола может иметь разные ограничения в зависимости от своей семантической роли (и, соответственно, типа ситуации, к которой привязан участник с данной ролью). Агенса рассматриваемой ситуации может не совпадать с агенсом исходной (16), экспериенцер же обязан совпадать (17).

- (16) Дочка плохо помыла посуду. ^{ok}Мама **перемыла** ее заново.
(17) {Дочка невнимательно посмотрела фильм.} ^{*}Мама **пересмотрела** его и рассказала ей сюжет.

Эту асимметрию можно объяснить, обратившись к особенностям семантики приставки *пере-*. Реконструктивное *пере-* предполагает изменение результата исходной

---

⁶ При этом следует отметить, что в данном случае (особенно это касается результатов по большой выборке) мы опираемся на вторичные и/или неполные данные. Таким образом, не исключена вероятность, что полученный результат отражает в большей степени противопоставление значений более/менее «заметных» или «ожидаемых» исследователем, чем собственно центральных vs. периферийных. В частности, заметно меньшие цифры по периферийным значениям в большой выборке, по сравнению с малой, объясняются, видимо, как раз неполнотой данных по этой выборке. Более надежными были бы также данные строго сбалансированной выборки. Тем не менее, показательно, что данные по двум случайным выборкам дают сопоставимый – хотя бы с точки зрения относительного порядка значений – результат.

ситуации путем ее повторения. Результат агентивной ситуации не затрагивает агенса (изменяется состояние посуды, но не того, кто ее мыл), результат ситуации восприятия затрагивает экспериенцера (изменяется состояние посмотревшего фильм).

Ограничения, связанные с (не)совпадением участника могут также быть обусловлены его коммуникативным статусом. Ср. следующие примеры на употребление сирконстантов в предложениях с наречием *опять*. Участник-время прозрачен для рефактивно-го наречия *опять*, если он не входит в рему:

(18) Он **опять** (простудился в середине июля)↓_R.

*‘как и в январе’

(19) В середине июля↑ он **опять** (простудился)↓_R.

^{ок}‘как и в январе’

Интересно, что участник-место с этой точки зрения ведет себя иначе, чем участник-время. Подчиняясь более жестким правилам, он допускает несовпадение участников в нерематической позиции только в тех случаях, когда пространственная характеристика может быть осмыслена как временная:

(20) а) **Опять** (были взрывы в метро)↓_R.

*‘как и на улице’

б) В метро↑ **опять** (были взрывы)↓_R.

*‘как и на улице’

(21) а) **Опять** (были бурные овации в Политехническом)↓_R.

*‘как и в доме литераторов’

б) В Политехническом↑ (**опять** были бурные овации) ↓_R.

^{ок}‘как и в доме литераторов (= как и на прошлом выступлении)’

Очевидно, что для разных значений рефактивной зоны более и менее жесткие ограничения будут связаны с разными участниками. Ср. отмеченную выше разницу в ограничениях на смену пациенса для репетитива (*опять*) и реконструктива (*пере-*) (14–15).

Для участников, «непрозрачных» для рефактива, помимо требования обязательного тождества с аналогичным участником исходной ситуации, возможно, наоборот, требование обязательной смены участника, встроенное в «толкование» соответствующего значения. В класс рефактивных значений с **измененным составом участников** попадают следующие из рассматриваемых нами значений: редитив, респонсив, транспозитив, аддитив и значение ‘также’:

редитив:

рассматриваемая ситуация		исходная ситуация
источник – точка В	<	источник – точка А
цель – точка А	<	цель – точка В
‘X делает с Y то, что Y сделал с X’		

респонсив:

рассматриваемая ситуация		исходная ситуация
X в роли А	<	Y в роли А
Y в роли В	<	X в роли В
‘X делает с Y то, что Y сделал с X’		

транспозитив:

рассматриваемая ситуация		исходная ситуация
X в роли А	<	Z в роли А
Y в роли В	<	X в роли В
‘X передает Y-у то, что Z передал X-у’		

аддитив:

рассматриваемая ситуация		исходная ситуация
порция 2 участника X в роли А	<	порция 1 участника X в роли А
‘добавить еще X-а’		

‘также’:

рассматриваемая ситуация		исходная ситуация
участник X в роли А	<	участник Y в роли А
‘X делает то же, что и Y’		

1.2.3. Классификация рефактивных значений по степени охвата глагольной лексики

Большинство значений рефактивной зоны в той или иной степени избирательны в отношении сочетаемости с глагольными лексемами.

Для выявления закономерностей взаимодействия рефактивных значений с глагольной основой были проанализированы данные словарей по 70 глагольным лексемам для 5 языков – немецкого (приставка *zurück-* и *wieder-*, [Duden 1999]), французского (приставка *re-*, [Robert 1992]), вайана (суффикс *-imë*, [Camargo 2010]), жаравара (суффикс *-ma*, [Vogel 2006]) и нанайского (суффикс *-gu*, [Оненко 1980]). Глаголы подобраны, с одной стороны, так, чтобы по возможности равномерно представить разные лексические и аспектуальные классы, с другой стороны – так, чтобы наиболее полно представить классы, априори особенно интересные с точки зрения взаимодействия с тем или иным рефактивным значением. Для каждой из лексем по словарю отмечалось наличие/отсутствии рефактивного деривата и, при наличии деривата – его значение или значения. Этот метод достаточно неточен: набор языков очень мал, словари разнятся по объему и принципам составления и содержат заведомо неполную информацию; небольшая, составленная интуитивно выборка лексем заведомо неадекватно представляет множество лексем языка; наконец, лексические различия между приблизительно схожими по значению глаголами разных языков на самом деле могут быть принципиальны, в том числе и с точки зрения сочетаемости с рефактивом. Тем не менее, данный метод, как кажется, может дать по крайней мере первое поверхностное представление о сочетаемостных возможностях рефактивных показателей.

Результаты по сочетаемости значений репетитива, редитива, реститутива, респонсива, транспозитива и аддитива с глагольной основой представлены в обобщенном виде в таблице 2⁷:

Таблица 2

Взаимодействие рефактивных значений с глагольной основой

ГЛАГОЛ	РЕПЕТИТИВ	РЕДИТИВ	РЕСТИТУТИВ	РЕСПОНСИВ	ТРАНСПОЗИТИВ	аддитив
бежать	(+)	(+)	(+)	*	*	*
лететь	(+)	+	(+)	*	*	*
нести	(+)	+	*	*	*	*
уходить	*	+	+	*	*	*
приходить	+	+	+	*	*	*
падать	*	+	+	*	*	*
возвращаться	*	+	*	*	*	*
поворачивать(ся)	*	(+)	*	*	*	*
лить, наливать	*	*	*	*	*	(+)
класть, ставить	(+)	+	*	*	*	(+)
брать	(+)	+	*	*	*	*

⁷ Звездочкой «*» обозначены лексемы, от которых не образуется рефактивный дериват с соответствующим значением, плюсом «+» или «(+))» – те, от которых дериват с соответствующим значением образуется. Плюсом в скобках «(+))» – встретившиеся только в одном языке, плюсом без скобок «+» – встретившиеся более чем в одном языке. Учитывались в том числе и случаи, когда исходный глагол сам по себе является идиоматизированным рефактивным дериватом со значением, близким к данному (ср. английское *re-turn* ‘возвращаться’ = редитив + ‘поворачивать’).

Таблица 2 (продолжение)

ГЛАГОЛ	РЕПЕТИТИВ	РЕДИТИВ	РЕСТИТУТИВ	РЕСПОНСИВ	ТРАНСПОЗИТИВ	АДДИТИВ
покупать	*	*	+	*	*	*
давать	(+)	+	(+)	+	*	*
продавать	(+)	*	+	*	+	(+)
дарить	*	*	(+)	*	*	*
посылать	*	(+)	*	*	(+)	*
рассказывать	(+)	*	*	(+)	(+)	(+)
говорить	(+)	*	*	(+)	(+)	*
спрашивать	(+)	*	*	(+)	*	*
просить	(+)	(+)	*	*	*	*
звать	+	+	*	(+)	*	*
приветствовать, здороваться	(+)	*	*	+	*	*
ломать, разрушать	(+)	*	*	*	*	*
чинить	*	*	+	*	*	*
строить	*	*	+	*	*	*
терять	*	*	(+)	*	*	*
искать	(+)	*	(+)	*	*	*
находить	(+)	*	+	*	*	*
забывать	*	*	+	*	*	*
вспоминать	*	*	+	*	*	*
закрывать(ся)	(+)	*	+	*	*	*
открывать	*	*	+	*	*	*
снимать, раздеваться	*	*	(+)	*	*	*
надевать, одеваться	*	*	+	*	*	*
завязывать, привязывать	*	*	(+)	*	*	*
развязывать, отвязывать	*	*	+	*	*	*
зажигать	*	*	+	*	*	*
гасить	*	*	(+)	*	*	*
будить, просыпаться	(+)	*	(+)	*	*	*
исчезать	*	*	(+)	*	*	*
лечить	*	*	(+)	*	*	*
выздоровливать	*	*	+	*	*	*
начинать	*	*	+	*	*	*
мочить, мокнуть	*	*	(+)	*	*	*
сушить, сохнуть	*	*	*	*	*	*

Таблица 2 (окончание)

ГЛАГОЛ	РЕПЕТИТИВ	РЕДИТИВ	РЕСТИТУТИВ	РЕСПОНСИВ	ТРАНСПОЗИТИВ	АДДИТИВ
остывать, охлаждаться	*	*	+	*	*	*
греть, нагревать	(+)	*	+	*	*	*
умирать	*	*	*	*	*	*
рождаться	*	*	+	*	*	*
пачкать(ся)	*	*	(+)	*	*	*
мыть, чистить	*	*	*	*	*	*
жарить, варить, готовить	*	*	*	*	*	*
шить, зашивать, пришивать	*	*	+	*	*	*
рисовать	*	*	(+)	*	*	*
писать	+	*	*	*	*	*
читать	+	*	*	*	*	(+)
есть	+	*	*	*	*	*
пить	(+)	*	(+)	*	*	(+)
петь	+	*	*	*	*	*
платить	(+)	*	*	*	*	*
ложиться, садиться	*	*	+	*	*	*
бить, ударять	+	*	*	*	*	*
повторять	+	*	*	*	*	*
идти о дожде, снеге	+	*	*	*	*	*
думать	(+)	*	*	*	*	*
смотреть	+	(+)	*	*	*	*
видеть, слышать	+	*	+	*	*	*
спать	+	*	(+)	*	*	*
жить	*	*	(+)	*	*	*
знать	*	*	+	*	*	*

Данные таблицы подтверждают очевидные ожидания об основных лексических классах, которые характерны для каждого из значений:

- **репетитив** – практически без лексических ограничений;
- **редитив** – ядро – глаголы перемещения (*уходить обратно, приходиться обратно, бежать обратно, нести обратно* и др.), также некоторые другие глаголы с пространственным компонентом значения (*класть обратно, брать обратно* и др.), в том числе имплицитным (*смотреть* ('движение взгляда') > *смотреть обратно; звать, просить* ('каузация перемещения') > *звать обратно* = 'каузировать прийти обратно', *просить обратно* = 'каузировать принести обратно');
- **реститутив** – глаголы со значением изменения состояния (*закрывать открытое, разогреть остывшее, выздоравливать после болезни*) или временного состояния (*видеть* > *снова увидеть после того, как не видел, спать* > *снова заснуть после того, как проснулся*);

- **респонсив** – контролируемые глаголы со значением взаимодействия (*ударить > дать сдачи*), в том числе глаголы речи (*сказать > ответить, поздороваться > ответить на приветствие*), глаголы передачи (*дать > дать в ответ*);
- **транспозитив** – глаголы передачи (*передать, перепродать, переслать*), в том числе вербальной (*пересказать другому то, что рассказали тебе*);
- **аддитив** – глаголы с инкрементальной темой (*выпить еще, положить еще, налить еще*).

1.3. Структура семантической зоны рефактива

Данные исследуемой выборки языков позволяют предложить следующую схему организации значений внутри семантической зоны рефактива:

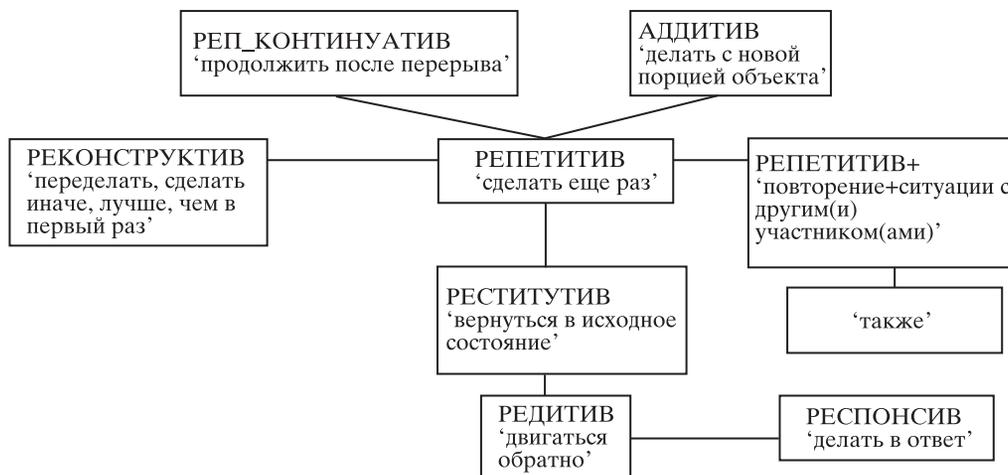

Схема 1. Семантическая организация зоны рефактива

Как видно из схемы, пространство рефактивных значений делится на два подпространства – в одном оказываются значения, отражающие идею возвращения (редитив, реститутив, респонсив), в другом – значения, группирующиеся вокруг идеи повторения (репетитив, реконструктив, репетитивный континуатив, репетитив+, ‘также’). Наименее тривиальным эмпирическим результатом кажется положение в схеме значений респонсива и репетитивного континуатива. Респонсивное значение (‘в ответ’) априори можно рассматривать как семантически близкое и к группе значений повторения (ситуация повторяется с меной участников), и к группе значений возвращения (метафора «возвращения ситуации ее исходному инициатору»). Тем не менее, эмпирические типологические данные по совмещению рефактивных значений свидетельствуют о том, что оно примыкает только к зоне возвращения, но не к зоне повторения. В свою очередь значение рефактивного континуатива, также семантически близкое как к повторительным значениям (продолжение ситуации как ее повторение), так и к возвратным («возвращение» к прерванной ситуации, ср. эту метафору в русской конструкции *вернуться к [работе]*), демонстрирует на основании эмпирических данных связь со значениями группы повторения, но не возвращения. См. обсуждение конкретных типов совмещения рефактивных значений ниже.

Имеющиеся данные позволяют также выделить наиболее характерные комбинации рефактивных значений. Набор периферийных значений достаточно сильно различается для разных рефактивных показателей. Типологически более стабильным является набор центральных значений рефактива.

Основным типом совмещения рефактивных значений является широкий рефактив, совмещающий все центральные значения рефактивной зоны (редитив, реститутив и репетитив) и в некоторых случаях также тот или иной набор периферийных значений.

Примером широкого рефактива может служить суффикс *-tu* в языке мапуче, который употребляется в репетитивном, реститутивном и редитивном контекстах:

- (22) мапуче (арауканские, Чили, Аргентина), [Smeets 2008]
- a) iñché amu-**tu**-a-n eymi kay
 I go-**REP**-NPST-IND-1SG you PTCL
 ‘Я возвращаюсь обратно, а ты?’ РЕДИТИВ
- b) tripa-ke-fu-n ñi küdaw-**tu**-al
 leave-HAB-unsuccessfully-IND.1SG POSS.1SG work-**REP**-NPST
 ‘Я уходил, чтобы снова найти (потерянную) работу’. РЕСТИТУТИВ
- c) mūchay pun ka nūtram-ka-**tu**-a-fi-n
 soon night again conversation-really-**REP**-NPST-OBJ-IND.1SG
 ‘Вечером я опять с ним поговорю’. РЕПЕТИТИВ

Для показателей с более узким набором рефактивных значений основная граница проходит между значениями, сгруппированными вокруг идеи возвращения, и значениями, сгруппированными вокруг идеи повторения. Тип **рефактив возвращения** включает редитивное и иногда также респонсивное значение.

Примером подобного показателя может служить немецкая приставка *zurück-* с редитивным (*zurück-rennen* ‘бежать назад’) и респонсивным (*zurück-rufen* ‘кричать в ответ, откликаться’) значениями; аналогично устроен и ее нидерландский когнат *terug*: ср. *terug-trekken* ‘отходить назад, отступать’, *terug-bellen* ‘перезванивать (в ответ на звонок)’.

Широкий рефактив возвращения включает, помимо редитивного (и респонсивного), реститутивное значение (связанное с идеей возвращения за пределами пространственной сферы), но не репетитивное значение и связанные с ним малые значения рефактивной зоны.

Подобная комбинация значений наблюдается, например, у суффикса *-to(o)q* в языке не-персе:

- (23) не-персе (пенути, Айдахо), [Crook 1999: 181, 455]
- a) 'e-sepée-qqu-wéeyik-**toq**-see sik'jéem-ne
 3.OBJ-CAUS-gallop-cross-**REP**-INCH horse-OBJ
 ‘Я заставляю лошадь скакать обратно на ту сторону’. РЕДИТИВ
- b) k'ómay-**toq**-see
 be.sick-**REP**-INCH
 ‘Я снова заболел (болезнь вернулась)’. РЕСТИТУТИВ

Тип **рефактив повторения** включает репетитивное значение в качестве центрального и тот или иной набор периферийных рефактивных значений, непосредственно связанных с репетитивным.

К этому типу относится, например, показатель *-il* в языке ндут, употребляемый в репетитивном значении и значении рефактивного континуатива:

(24) ндут (атлантические, Сенегал), [Morgan 1996: 121]

- a) mi pay-**il** meey-a ra, m-ay on do lijom
 1SG go-**REP** field-CLF.DET when 1SG-FUT give 2SG lemon
 ‘Когда я в следующий раз (опять) пойду в поле, я дам тебе лимон’. РЕПЕТИТИВ
- b) mi took-**il**-te nii kiil ana, m-a na hen-eh loo
 1SG sit-**REP**-PFV until year two 1SG-PROG DUR do-NEG.HAB stomach
 ‘Я оставалась там еще два года и не забеременела’. РЕФАКТИВНЫЙ КОНТИНУАТИВ

Еще один зафиксированный тип рефактивных показателей можно назвать **непространственным рефактивом**: из центральных значений он включает репетитивное и реститутивное, но не редитивное значение.

Показателем такого типа является, судя по имеющимся данным, суффикс *-e* в языке кваза, который имеет репетитивное, реститутивное и аддитивное значение:

(25) кваза (изолят, Бразилия), [Voort 2004: 323, 355, 462]

- a) awe-’mũ o’hui-he-’ky kikaló-’e-xa-tsi
 rain-liquid play-NEG-NEG.IMP fever-**REP**-2-PRON
 ‘Не играй под дождем, а то опять заболеешь!’ РЕПЕТИТИВ
- b) tui-cwa’ní-xa-le ori-’nũ-’e-xa-rydy-re
 fall-bottom-2-COND climb-REFL-**REP**-2-IRR-Q
 ‘Ты бы выбрался (снова), если бы провалился в дыру?’ РЕСТИТУТИВ
- c) kui-’e-da-mũ
 drink-**REP**-1SG-VOL
 ‘Я выпью еще’ АДДИТИВ

В таблице 3 приводятся количественные данные по каждому из типов полисемии рефактивных показателей для малой выборки:

Таблица 3

**Типы рефактивных показателей:
 частотность**

тип	кол-во показателей
широкий	19
непространственный	6
повторение	3
возвращение+	3
возвращение	1

Приведенных численных данных недостаточно для того, чтобы делать какие бы то ни было выводы об относительной частотности большинства из рассматриваемых типов в языках мира. На основании такой небольшой выборки можно с уверенностью говорить только о значительном преобладании рефактивов широкого типа (то есть совмещающих все три основных значения рефактивной зоны).

Отдельного упоминания заслуживает вопрос о существовании специализированных морфологических показателей, выражающих только одно из значений рефактивной зоны. Среди рассмотренных нами показателей (как в малой, так и в большой выборке) надежных примеров таких показателей не встретилось. Так, например, русское *пере-* со специализированным значением реконструктива выражает также целый ряд значений, лежащих за пределами рефактивной зоны. Немецкая редитивная приставка *zurück-*, помимо основного пространственного значения, имеет при небольшом количестве глаголов с непространственной семантикой значение респонсива и т.д. Таким образом, можно сказать, что морфологические рефактивы с узкоспециализированным значением если и существуют, то представляют собой типологически редкое явление. Отметим при этом, что лексические показатели такого рода достаточно распространены, ср. русские *еще раз* (репетитив), *заново* (реконструктив), *обратно* (редитив).

В завершение приведем также численные данные по общему количеству рефактивных значений, отмечаемых для разных показателей (малая выборка):

Таблица 4

Количество значений рефактивного аффикса

кол-во значений	кол-во показателей
1	0
2	8
3	12
4	5
5	5
6	2
7	2
8	0

Таким образом, можно постулировать для морфологических показателей рефактива – в отличие от лексических – общую тенденцию к совмещению значений в одном показателе (что является достаточно предсказуемым фактом).

1.4. Широкие рефактивы: стабильность vs. вариативность в распределении значений

Выше приводятся данные, согласно которым наиболее частотным типом рефактивного показателя является широкий рефактив, совмещающий все три центральных значения рефактивной зоны. В этом разделе широкие рефактивы рассмотрены более подробно. Обсуждается вопрос о том, насколько типологически стабильно соотношение разных рефактивных значений для широких рефактивов.

Для четырех рефактивных аффиксов широкого типа (*re-* во французском, *-gi* в на-найском, *-imě* в вайана и *-ta* в жаравара) по словарю проверена сочетаемость с разными значениями рефактивной зоны для 70 глаголов.

В таблице 5 показано соотношение количества глаголов, сочетающихся с центральными / периферийными значениями рефактивной зоны для каждого из широких рефактивов.

Таблица 5

Широкий рефактив: центральные vs. периферийные значения

	центральные	периферийные	всего
французский <i>re-</i>	75%	15%	95
нанайский <i>-gu</i>	70%	30%	54
вайана <i>imë</i>	83%	17%	19
жаравара <i>-ma</i>	96%	4%	24

Для всех показателей продуктивность центральных значений оказывается значительно выше, чем для периферийных.

Таблица 6 показывает процент глаголов из выборки, при которых реализуется каждое из центральных значений рефактивного показателя:

Таблица 6

Соотношение центральных рефактивных значений для широких рефактивов

	редитив	реститутив	репетитив
французский <i>re-</i>	13%	31%	33%
нанайский <i>-gu</i>	22%	33%	15%
вайана <i>-imë</i>	16%	37%	32%
жаравара <i>-ma</i>	25%	42%	29%

В этом ряду выделяется показатель *-gu* в нанайском, для которого процент лексем из выборки, в сочетании с которыми он реализует репетитивное значение, примерно в два раза меньше, чем для остальных.

Более наглядной кажется картина по распределению значений зоны повторения (репетитив, аддитив, реконструктив и др.) vs. зоны возвращения (редитив, респонсив, реститутив):

Таблица 7

Соотношение значений зоны возвращения vs. повторения для широких рефактивов

	возвращение	повторение
французский <i>re-</i>	46%	54%
нанайский <i>-gu</i>	64%	36%
вайана <i>-imë</i>	53%	47%
жаравара <i>-ma</i>	67%	33%

Очень резкой разницы в процентном соотношении значений повторения и возвращения не наблюдается. Тем не менее некоторые различия можно констатировать: в частности, во французском процент глаголов, сочетающихся со значениями повторения, слегка превышает процент глаголов, сочетающихся со значениями возвращения. Для остальных показателей картина обратная: для вайана разница в пользу зоны возвращения незначительная, для жаравара и нанайского более существенная.

Сравнение данных по сочетаемости с различными лексемами – лишь один из возможных способов ответить на наивный вопрос о том, «каких значений больше». Другой естественный вариант – сопоставлять частоту, с которой то или иное значение встречается в тексте (так называемая token-frequency). Типологические данные такого рода представлены в работе [Wälchli 2006]: по частотности в тексте значения зоны возвращения стабильно превосходят значения зоны повторения; ср. также наши подсчеты для репетитивного значения в нанайском и французском. По сочетаемости с глаголами различных лексико-семантических классов нанайский достаточно сильно отличается от французского (15% vs. 33%), но по текстам репетитивные употребления оказываются для обоих языков в равной степени редки: 4 употребления из 50 для французского, 2 употребления из 48 для нанайского.

1.5. Диахронические связи между рефактивными значениями

Предлагаемая выше схема 1 демонстрирует семантические связи между значениями рефактивной зоны, то есть может предсказывать возможные комбинации рефактивных значений. Классическая семантическая карта, кроме того, содержит еще и информацию о возможных путях диахронического развития одних значений из других (о проблемах семантического картирования см., например, недавний сборник [Cysouw et al. 2010] и мн. др.).

Для большинства рассматриваемых нами морфологических показателей рефактива путь исторического развития известен только в самых общих чертах, а зачастую неизвестен вовсе. В качестве гипотезы можно тем не менее предложить следующую организацию семантического пространства рефактива с точки зрения направлений семантических переходов:

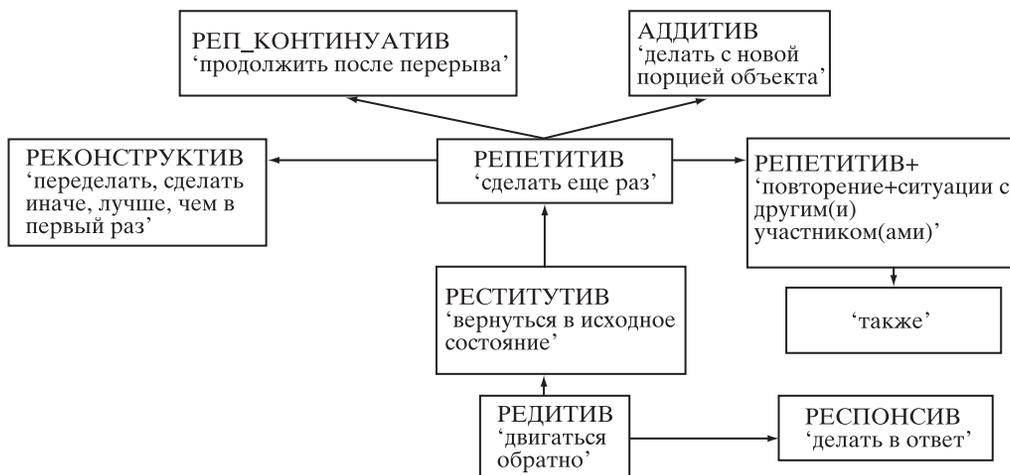
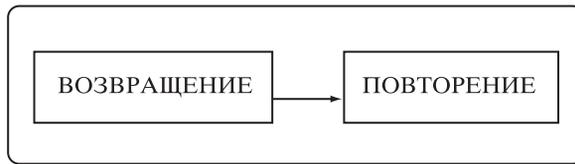

Схема 2. Рефактивные значения: гипотезы о диахроническом развитии

Приведенная схема отражает две общие тенденции семантической эволюции рефактивных аффиксов:

а) семантический сдвиг от идеи возвращения к идее повторения ('возвращения во времени');

б) направление от «центральных» значений к «периферийным» (см. п. 1.2.1).

Для центральных значений рефактивной зоны естественнее всего предположить схему диахронического развития РЕДИТИВ > РЕСТИТУТИВ > РЕПЕТИТИВ в процессе постепенного расширения сферы употребления рефактивного показателя на непространственную лексику. Идея пространственного возвращения достаточно естественно трансформируется в идею возвращения к прежнему состоянию (реститутив) для глаголов изменения состояния. Следующий предполагаемый шаг при переходе к еще более широкому кругу глаголов с непространственным значением – от реститутивного значения, предполагающего повторение результирующих состояний некоторой ситуации, к репетитивному значению, предполагающему повторение самих ситуаций. Косвенным подтверждением направления диахронического развития ВОЗВРАЩЕНИЕ > ПОВТОРЕНИЕ служит наблюдаемое в нашей выборке отсутствие значений зоны возвращения у рефактивных показателей, восходящих к глаголам со значением повторения, добавления, увеличения (*повторять, добавлять, продолжать*).

При таком сценарии диахронического развития не вполне предсказуемым кажется лишь наблюдаемый в языках мира тип непространственного рефактива, совмещающий реститутивное значение с репетитивным, но не с редитивным. Для таких случаев, впрочем, можно было бы предположить тот же диахронический путь, но с последующим отмиранием исходного пространственного значения. Так, для приставки *yawoih-* в майали (гунвингские, Австралия), выражающей на синхронном уровне только непространственные значения рефактивной зоны, в [Evans 1995] предлагается гипотеза о развитии из глагола со значением возвращения. С другой стороны, материал неморфологических показателей рефактива дает основания предполагать, что этот путь образования рефактивов непространственного типа не единственный. Так, реститутивное и репетитивное значения совмещает русское наречие *снова*, восходящее к прилагательному *новый* (а не к слову с семантикой возвращения) и никогда не имевшее редитивного значения.

Что касается диахронического развития значений зоны повторения, то можно предположить развитие периферийных значений из значения репетитива. Основанием для подобного предположения может служить тот факт, что существуют показатели, совмещающие периферийные значения зоны повторения как с репетитивом, так и со значениями зоны возвращения. Таким образом, предполагая (в качестве единственно возможного) путь от периферийных значений к репетитивному, мы вынуждены были бы также предположить и обратное развитие значений возвращения из репетитивного, что, видимо, невозможно.

2. ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ РЕФАКТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В разделе 2 будут более подробно рассмотрены два центральных значения рефактивной зоны: редитив (п. 2.1) и реститутив (п. 2.2). На примере этих значений рассматриваются некоторые проблемы, связанные с семантической классификацией значений рефактивной зоны в целом. В разделе 2.1 на примере редитива ставится вопрос о возможности и необходимости более дробной классификации рефактивной зоны. В разделе 2.2 на примере реститутива обсуждается вопрос о границах выделяемых нами рефактивных классов и о том, насколько однозначно рефактивное значение определяется классом глаголов, при которых оно реализуется. В этом разделе приводятся аргументы за то, чтобы считать / не считать редитив и реститутив одним и тем же значением, и рассматривается возможность трактовки некоторых употреблений рефактива при глаголах движения как реститутивных, а не редитивных.

2.1. Редитив

Приводимый в п. 1 набор рефактивных значений выбран с той степенью детализации, какую можно себе позволить в типологическом исследовании на материале вторичных данных. На самом деле некоторые из выделяемых нами значений при более детальном анализе, возможно, имело бы смысл рассматривать как несколько близких, но не тождественных значений. В данном разделе вопрос о возможности более дробной классификации рассматривается на примере редитивного значения.

Редитивное значение ‘двигаться обратно’ объединяет с остальными рефактивными значениями тот факт, что оно содержит пресуппозицию о предшествующей аналогичной ситуации:

(26) Радищев приехал из Москвы **обратно** в Петербург; пресуппозиция: ‘до этого он уже был в Петербурге’

(27) ?Я попал **обратно** в какой-то незнакомый город.

Строго говоря, логически можно противопоставить две отдельные разновидности редитивного значения – значение, предполагающее полное повторение предшествующего маршрута, и значение, предполагающее только совпадение цели движения с исходным пунктом предшествующего движения, но не совпадение самих траекторий движения:

Тем не менее нам не известно – по крайней мере морфологических – показателей редитива, отражающих подобное противопоставление, ср. примеры на выражение ситуаций обоих типов в русском с помощью глагола *возвращаться* и наречия *обратно*:

(28) Охотник **вернулся обратно** к реке по собственным следам. совпадение траекторий

(29) Охотник **вернулся обратно** к реке другой дорогой. совпадение цели с исходным пунктом, несовпадение траекторий

Существует два пространственных значения, очень близких к собственно редитивному и часто выражаемых совместно с ним, но не содержащих, в отличие от него, никакой информации о предшествующей ситуации движения и тем самым семантически более далеких от рефактивной зоны. Первое из них содержит фиксированную цель ‘дом, место обычного пребывания’. Ситуация ‘двигаться домой’ так же, как и обычная редитивная ситуация, в принципе предполагает, что движению предшествовало противоположное движение (из дома), но эта информация не является актуальной для говорящего. Свидетельства употребления рефактивных показателей как в собственно редитивном значении, так и в «деэмпфатизированном» значении ‘домой’ характерно, в частности, для отомангских языков (см. обсуждение подобных употреблений в асоу-тлапанек и других отомангских языках в [Wichmann 1992]). Среди прочих языков, попавших в нашу выборку, такие употребления отмечены для рефактивных маркеров в следующих языках: сарси (атабаскские, префикс *na-*), тутело (сиу, префикс *ki-*), колумбия-венатчи (салишские, префикс *l-*), тускарора и вяндут (ирокезские, префиксы *o-*, *s-*), шауни (алгонкинские, префикс *pakici-*), не-персе (пенути, суффикс *-toog*), вайана (карибские, суффикс *-(j)(e)mě*) и удэгейском (тунгусо-маньчжурские, суффикс *-gi*).

Другое близкое к редитивному значение – ‘двигаться назад’ – обозначает обратное движение, но не относительно некоторого предшествующего движения, а относительно объекта с выделенной асимметрией передней / задней части (в первую очередь челове-

ка – ‘назад’ = ‘противоположно направлению взгляда’). Ср. диагностические контексты, в которых в русском языке возможно употребление наречия *назад*, но не семантически близкого ему наречия *обратно*, которое может выражать только собственно редитивное значение, но не значение ‘назад’:

- (30) откинуть голову **назад** / ***обратно**
оглянуться **назад** / ***обратно**

Ср. также примеры из нанайского языка (тунгусо-маньчжурский), иллюстрирующие возможность выражения собственно редитивного значения и значения ‘назад’ с помощью одного и того же морфологического показателя:

- (31) нанайский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Оненко 1980]
а) тḡ ‘падать’ – туḡ-гу ‘падать обратно {на прежнее место}’
б) ичэ ‘смотреть’ – ичэ-гу ‘оглядываться {смотреть в сторону, противоположную обычной}’

В некоторых языках значение редитива может совмещаться не со значением направления, связанного с фасадными характеристиками объекта, а со значением соответствующей локализации – ‘быть / двигаться сзади от объекта’ (так называемая локализация POST). Ср., например, такие употребления редитивной приставки *zurück-* в немецком языке:

- (32) *liegen* ‘лежать, находиться’ – *zurück-liegen* ‘быть сзади, оставаться позади’.

Одним и тем же глагольным префиксом *q-* выражается редитивное значение (а также более широкий круг рефактивных значений) и значение локализации POST в языках лезгинской группы – агульском, рутульском, табасаранском (см. [Maisak, Merdanova 2011]). При этом для агульского языка в [Ibid.] показано, что на синхронном уровне следует считать *q-*редитив и *q-POST* разными показателями.

2.2. Реститутив

Одним из спорных мест, связанных с реститутивом, является вопрос о том, имеет ли смысл проводить границу между реститутивными и близкими к ним редитивными употреблениями. Безусловно, на некотором уровне семантического обобщения абстрактное значение ‘возвращения’ можно считать инвариантным для редитивных и реститутивных употреблений. Более тонкий вопрос состоит в том, можно ли считать семантическое приращение ‘возвращение в исходное состояние’ (реститутив) vs. ‘возвращение в исходную точку в пространстве’ (редитив) только результатом взаимодействия инвариантного значения ‘возвращение’ с лексической семантикой глагола. На этот вопрос можно было бы ответить положительно, если бы реститутивные и редитивные употребления всегда были строго распределены по семантическим классам глагола: непространственные глаголы => реститутив, глаголы движения => редитив. Но некоторые данные свидетельствуют о том, что по крайней мере для некоторого подкласса глаголов движения может реализовываться значение реститутива, не тождественное редитивному. Так, для русских наречий *опять* и *снова* или для английского *again* естественно говорить о наличии, помимо репеститутивных, также и реститутивных употреблений:

- (33) У нее Катерина Ивановна жила, когда маме делали операцию, — разрезали, посмотрели и **снова зашили**... [О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995–1999)] ≠ ‘зашили повторно’

Не-репеститутивные употребления возможны для этих наречий и при глаголах движения:

- (34) И возьми даже своих ученых людей — агрономов, учителей: нет зазнавителие человека, чем свой, деревенский же, но который выучился в городе и **опять приехал** сюда [В. Шукшин. Алеша Бесконвойный (1972–1973)] ≠ ‘приехал повторно’

Можно считать подобные употребления реститутивными (‘вернуться в состояние *быть-в-деревне*’) или редитивными (‘вернуться в пространственную точку *деревня*’). Поскольку в данном контексте возвращение в пространственную точку «склеено» с возвращением в состояние, вопрос остается в значительной мере схоластическим. Так, предложения (35) с наречием *опять* и (36) с редитивным наречием *обратно* тождественны по крайней мере на денотативном уровне:

- (35) Этот человек выучился в городе, а потом **опять приехал** в родную деревню.
(36) Этот человек выучился в городе, а потом **приехал обратно** в родную деревню.

Поддерживая идею о том, что наречия *опять* и *снова* при глаголах движения продолжают выражать реститутивное, но не редитивное значение, можно предположить, что (35) и (36) различаются с точки зрения информационной структуры. В (35) акцентируется возвращение субъекта в прежнее состояние (сопряженное с пространственным возвращением), в (36) акцентируется возвращение в прежнюю точку в пространстве (автоматически являющееся возвращением в прежнее состояние). Тем не менее, такие тонкие различия достаточно сложно эксплицитировать, особенно имея дело с более ограниченным языковым материалом, чем тот, что доступен для русского языка.

При этом существует подкласс глаголов движения, для которого логически можно себе представить реститутивное значение, не «склеенное» с редитивным, а именно класс «элативных» глаголов, для которых участник-источник является обязательным, а участник-цель может быть неважен или неизвестен. Для русского языка это глаголы движения с приставками *у-*, *вы-*, *от-*, *с-* (см. подробнее о классах глаголов движения с фиксированной целью vs. фиксированным источником в русском языке [Падучева 2004: 379–384]). Для таких глаголов редитивное значение можно отличить от реститутивного на денотативном уровне: присоединение редитивного показателя будет давать интерпретацию, при которой движущийся объект возвращается в исходную точку; присоединение реститутивного показателя будет давать значение ‘возвращение в прежнее состояние отсутствия’, для которого допустима интерпретация ‘возвращение в точку, нетождественную исходной’. Ср. пример с элативным глаголом *уезжать* в сочетании с наречием *снова*:

- (37) Я приехала из Вятки, где у меня был концерт, в Москву на озвучивание программы «Шире круг». Всего час я была в Москве и **снова уезжала**, а Женя провожал меня у поезда... [И. Броневицкая. «Мир и Дом. Residence» (2004)].

Из контекста понятно, что героиня уезжает из Москвы не в Вятку, таким образом, данное употребление *снова* можно трактовать как реститутивное (‘возвращение в состояние отсутствия в Москве’), но не как редитивное (*‘возвращение в Вятку’). Наличие при элативных глаголах у наречий *опять* и *снова* реститутивной интерпретации, нетождественной редитивной, отчетливо видно при сопоставлении их с редитивным наречием *обратно*:

- (38) Я приехала из Вятки в Москву и, пробыв там всего час, **снова** уехала.
    ^{о*а} ‘в Вятку’
    ^{о*б} ‘не в Вятку’
(39) Я приехала из Вятки в Москву и, пробыв там всего час, уехала **обратно**.
    ^{о*а} ‘в Вятку’
    ^{*б} ‘не в Вятку’

Таким образом, остается признать, что перед нами показатель с реститутивным значением (которое реализуется в том числе для класса глаголов движения), но не с редитивным значением. Теоретически остается еще логическая возможность считать, что с точки зрения сочетаемости с рефактивными показателями элативные глаголы движения примыкают к непространственным глаголам и при них действительно реализуется реститутивное значение, тогда как при глаголах движения с фиксированной целью реализуется все же редитивное значение. Такое решение, как неоправданно сложное, проигрывает по сравнению с первым с чисто логической точки зрения и для русского языка кажется антиинтуитивным, но не противоречит фактам. С типологической точки зрения аргументом за подобное решение могло бы стать наличие рефактивных показателей, граница сферы действия которых проходит внутри класса глаголов движения, отделяя элативные глаголы движения от прочих. Нам подобные показатели неизвестны.

Таким образом, как кажется, тест на сочетаемость рефактивного показателя с элативными глаголами (глаголами движения без обязательного участника-цели) может быть полезен при решении вопроса о том, какое именно значение – редитивное или реститутивное – представлено у того или иного конкретного рефактивного показателя.

Несколько усложняет ситуацию тот факт, что вопрос о принадлежности того или иного глагола движения в произвольном языке к классу элативных сам по себе требует отдельного исследования.

При этом для того, чтобы рассматривать реститутив и редитив как отдельные значения (или «функции» в терминологии [Haspelmath 2003: 212]) в смысле, принятом в типологии (то есть с точки зрения общего межъязыкового инвентаря рефактивных значений), достаточно более эксплицитных фактов. А именно фактов наличия в языках мира чисто редитивных показателей, чисто реститутивных показателей или показателей, включающих только одно из этих двух значений. Примером подобных показателей может служить обсуждавшееся выше наречие *обратно* в русском языке (по крайней мере, в литературном варианте). Если же говорить о морфологических показателях, находящихся в фокусе данного исследования, можно привести в пример немецкую приставку *zurück-*. Среди морфологических показателей, не выражающих редитивного значения, но выражающих реститутивное значение, можно назвать, например, префикс *yawoih-* в майали (гунвингские). Судя по описанию в [Evans 1995] *yawoih-* имеет репетитивное и реститутивное значение при непространственных глаголах, но не сочетается с глаголами движения и не имеет (по крайней мере, на синхронном уровне) значения возвращения в исходную точку в пространстве.

3. РЕФАКТИВ И СМЕЖНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

В разделе 3 кратко описываются возможные случаи полисемии значений достаточно компактной зоны рефактива с более далекими значениями других семантических зон. В частности, перечисляются отмеченные в языках мира случаи совмещения рефактива с пространственными значениями – пролативом и значением сопутствующего движения, со значениями глагольной множественности, с континуативным значением, со значениями актантной деривации – рефлексивным и реципрокальным, а также с модально-дискурсивными значениями. Для каждого из типов полисемии предлагается возможный путь развития.

3.1. Пространственные значения

С пространственной семантической зоной рефактивная зона смыкается прежде всего через значение редитива (см. о редитиве и близких к нему пространственных значениях выше, п. 2.1). В некоторых языках наблюдается также полисемия рефактива со значением пролатива ('движение через что-л., сквозь что-л., вдоль чего-л.') или развитие рефактивных показателей из глаголов со значениями 'пересекать, переходить, проходить'. В частности, этот тип полисемии демонстрирует русская приставка *пере-*.

Значение пролатива связано с рефактивной зоной через группу значений повторения. Зафиксированы случаи совмещения пролативного значения со специализированным реконструктивным значением (как в русском) и с более общим репетитивным (например, в чадских языках марги и бура [Hoffmann 1955; 1963: 134]). Пролативное значение является диахронически исходным, как показывают данные языков, в которых показатель рефактива развивается из глагола ‘переходить, пересекать’ (например, кантонский китайский [Matthews, Yip 1994: 207]). В основании полисемии лежит, видимо, метафора, при которой исходная ситуация осмысливается как «траектория», по которой движется во времени повторная ситуация. Повторная ситуация накладывается на исходную, перекрывает, пересекает ее, а в случае реконструктивного значения при этом выходит за пределы исходной ситуации, пересекает границу, определенную предшествующим результатом.

Одним из «экзотических» типов полисемии рефактивных показателей является совмещение рефактива со значениями «сопутствующего движения»⁸ (‘ситуация Р сопровождается перемещением субъекта’) – ‘сделать по пути обратно’, ‘сделать вернувшись’. Ср. пример из араванского языка жаравара на употребление рефактивного суффикса *-ta* в значении ‘сделать, вернувшись’:

- (40) жаравара (араванские, Бразилия), [Vogel 2006: 160]

yama	soki	ya	ota	tafa- ma
время	быть.темно	when	1PL:EXCL	есть-REP

‘Ночью мы поели дома (= поели, вернувшись)’.

Значение сопутствующего движения связано с редитивной частью рефактивной семантической зоны. Подтверждением этому могут служить данные языка аранда (паманьюнга): суффикс *-irtne* в аранда имеет редитивное, респонсивное и реститутивное значения, а также значение ‘сделать по пути обратно’, но не имеет значений группы повторения. Развитие у рефактивного показателя значения сопутствующего движения (‘ситуация сопровождается обратным движением’) можно рассматривать как маргинальный путь эволюции показателя редитива при расширении сферы его употребления на непространственную лексику, параллельный магистральному диахроническому пути редитив > репетитив (см. п. 1.5).

3.2. Глагольная множественность и смежные значения

3.2.1. Значения многократного повторения

Известны случаи использования одного и того же показателя в значении однократно-го повторения (рефактив) и многократного повторения разных типов (мультипликатив, итератив, хабитуалис). Ср. примеры из аравакского языка варекена. Суффикс *-tʃi* в первом примере употреблен в контексте однократного повторения ситуации (репетитивное значение), во втором – в контексте регулярного повторения (хабитуальное значение):

- (41) варекена (аравакские, Венесуэла, Бразилия), [Aikhenvald 1998: 347, 233]

a)	wa-tsimahã	a.le-ma-ba-lu-ta	ate	aliwa- tʃi -mia		
	1PL-sleep-PAUS	so-DEL-very-EMPH	until	dawn-REP-PFV		
	wa wa-fa-mia- tʃi -wa					
	then	1PL-go-PRF-REP-INCOMPL				
	‘Мы спали, пока снова не взошло солнце, тогда мы опять пошли’.					
b)	wa peya	laguna	ni-kulua- tʃi	weni	paya:lu-ni	kuefi-nawi
	then	one lake	3PL-drink-REP	water	all-3PL	game-PL
	wali	ni-kulua-hã	weni			
	where	3PL-drink-PAUS	water			
	‘Было одно озеро, где все они, звери, часто пили воду, где они пили воду’.					

⁸ «associated motion»

Кроме «чистых» случаев полисемии рефактива со значениями многократного повторения, встречается также промежуточная ситуация, когда рефактивный маркер употребляется в контексте многократного повторения (в качестве обязательного или факультативного средства) наряду со специализированным показателем многократности. Например, в некоторых атапаскских языках рефактивный префикс может употребляться в хабитуальных или мультипликативных контекстах. При этом в таких контекстах рефактивный показатель присоединяется к особой основе хабитуалиса или мультипликатива [Rice 2000].

Этот случай представляется более простым для интерпретации. Принципиальным для объяснения кажется тот факт, что значение рефактива (репетитива) логически включено в значение многократного повторения: 'ситуация многократно повторяется' > 'ситуация однократно повторяется'. Таким образом, употребление рефактивного маркера в контексте многократного повторения оказывается, с одной стороны, оправданным (однократное повторение имеет место), с другой стороны – избыточным. Оно не ведет к семантическому противоречию, но и не добавляет никакой новой информации. Для языка в такой ситуации есть две противоположные возможности: 1) запрет на употребление рефактивных показателей в контексте многократного повторения (по причине семантической избыточности); 2) конвенционализация употребления рефактивных показателей в контексте многократного повторения (по причине семантической близости). Подобные употребления можно рассматривать в одном ряду с деэмпатизированными употреблениями репетитива в контекстах типа 'как всегда'.

«Чистые» случаи полисемии рефактива со значениями многократности можно интерпретировать как результат дальнейшего диахронического развития конвенционализированных употреблений рефактива в контексте многократности в качестве вспомогательного средства.

3.2.2. Дистрибутив

В ареально и генетически далеких языках асоюу тлапанек (отомангские, [Wichmann 1992]) и куланго (гур, [Elders 2008: 197–199]) зафиксировано совмещение рефактивного значения с дистрибутивным ('множественность участников ситуации'):

(42) асоюу тлапанек (отомангские, Мексика), [Wichmann 1992:128]

- а) ¹kwayun² 'ужинать' – ²kwayun-**li** 'ужинать повторно'
- б) -ndrehte 'рассыпать, разбрызгивать (например, землю, жидкость)' – -ndrihma-**li** 'рассыпать, разбрызгивать во многих местах'

И для куланго, и для асоюу тлапанек естественно предполагать развитие дистрибутивного значения из рефактивного, а не наоборот. В асоюу тлапанек в пользу этого говорит наличие у показателя «полного набора» рефактивных значений, в том числе реститутивного и редитивного, которые исходя из общих типологических данных по рефактиву являются диахронически исходными, а также наличие родственных показателей с рефактивным значением в близкородственных языках. Для куланго известен диахронический источник рефактивно-дистрибутивного суффикса *-pa* – рефактивное наречие *pa* 'опять' [Elders 2008: 198, 287–288].

3.2.3. Интенсив

В некоторых языках отмечается совмещение рефактивного значения с интенсивным. Например, в языке куку-яланди (пама-ньюнга) [Patz 2002:116–117] клитика *-baja* имеет рефактивное значение при динамических глаголах и интенсивное значение при стативных:

- (43) куку-яланди (пама-ньюнга, Австралия), [Patz 2002: 116]
- a) bajabaja-ngka   jinkalmu   bayka-ny-**baja**
 blue.tongue.lizard-ERG   taipan.ABS   bite-PST-**REP**
 ‘Синеязыкий сцинк опять укусил тайпана’.
- b) nyulu   bambay-ma-l-**baja**
 3SG.SBJ   sick-INCH-NPST-**REP**
 ‘Он становится очень болен’.

Значение интенсива кажется скорее связанным с репетитивной частью рефактивной зоны, чем с редитивной (по крайней мере, достоверных данных о полисемии редитивных или реститутивных показателей с интенсивом у нас нет). Можно предположить связь репетитива с интенсивом через следующие общие для этих значений семантические компоненты:

а) описываемая ситуация соотносится с некоторой исходной ситуацией на определенной шкале;

б) описываемая ситуация выше исходной по соответствующей шкале.

Для репетитивного значения шкала будет временной, а исходная ситуация – предшествующей по времени. Описываемая ситуация соотносится с предшествующей аналогичной ситуацией, она происходит позже нее (находится выше на временной шкале). Для значения интенсива соответствующей шкалой будет шкала интенсивности, а исходной ситуацией, с которой происходит сравнение, – ситуация с нейтральной интенсивностью.

3.2.4. Реверсив

В некоторых языках нигер-конго (в частности, в атлантических и банту) зафиксирована полисемия рефактива с реверсивом (‘ситуация обратная ситуации, описываемой исходным глаголом’). Самый яркий, хотя и небесспорный, пример подобной полисемии демонстрирует суффикс *-t* в фула. Пример (44) иллюстрирует образование с помощью одного и того же суффикса деривата со значением повторного действия от глагола ‘тянуть’ (‘тянуть еще раз’) и деривата со значением противоположного действия от глагола ‘закрыть’ (‘открыть’):

- (44) фула (атлантические, Западная Африка), [Коваль, Нялибули 1997: 147]
- a) o   food-**it-i**   boggol   ngol
 он   **тянуть-REP-PFV**   веревка   DET
 ‘Он снова потянул веревку’.
- b) o   sot-**t-i**   baafal   ngal
 он   **закрыть-REP-PFV**   дверь   DET
 ‘Он отомкнул дверь’.

Еще менее убедительные, чем для фула, свидетельства полисемии реверсива с рефактивной зоной имеются в языках банту. В большинстве языков банту есть деривационный суффикс **-ud⁹*. Во многих встречается также редуцированная форма **-udud*. Подробнее о них см. [Dammann 1959; Schadeberg 1982]. У суффикса **-ud* обычно выделяется две группы употреблений: первая наиболее многочисленная и семантически однородная – группа реверсивных употреблений, вторая – немногочисленная группа семантически разнородных, часто идиоматизированных употреблений, часто объединяемых в описаниях под общим названием репетитивных (ср., например, противопоставление *inversiva vs. repletiva* в [Dammann 1959]). В эту группу во многих языках входят рефактивные употреблений.

⁹ Реконструируемая форма прото-банту (см. [Schadeberg 2003]). В разных языках согласный может принимать форму *r, l, n*, гласный – форму *o, u, i* и др.

Ни материал фула, ни материал банту, ни их сопоставление не дает ясной картины взаимосвязи рефактивного значения с реверсивным. В обоих случаях есть большие или меньшие основания считать синхронную картину рудиментами полисемии, существовавшей на более раннем этапе диахронического развития, и не искать непосредственной связи между существующими значениями. Так **-ud*-реверсив и **-ud*-рефактив рассматриваются на синхронном уровне как два омонимичных суффикса, например, в грамматиках лунда [Kaumba Kawasha 2003] и руанда [Coupez 1985] (ср. также теоретическое обоснование этой позиции в [Плунгян 1992: 132–139]). *T*-реверсив и *-t*-рефактив в фула рассматриваются как омонимы в [Arnott 1970] и [De Wolf 1987]. Для некоторой стадии диахронического развития показателей рефактива и реверсива можно предположить связь через пространственное значение редитива. Для фула аналогичный диахронический путь предлагается в [Breedveld 1995]. Пространственная метафора реверсивного действия как *обратного* вполне естественна (ср., например, наречие *на-оборот* в русском, развивающееся на основе той же метафоры значение, близкое к значению реверсивных показателей).

3.3. Фазовые значения: континуатив

Рефактивная зона смыкается с группой фазовых аспектуальных значений (значений, указывающих на временную фазу ситуации – начало, середину, конец) через значение континуатива, с которым достаточно часто совмещается рефактивное значение. См. пример из языка чокто:

(45) чокто (мускогские, Оклахома), [Broadwell 2006: 317]

a) hattak-ma   piláashaash   afaama-li-tokat
 man-this.ACC   yesterday   meet-1SG-PST.SS
 himmah   nittak   afaama-li-moma-tok
 now   day   meet-1SG-REP-PST

‘Того человека, которого я встретил вчера, я опять встретил сегодня’.

b) ot   chokkowa-li-hma   taloowa-sh   hhiikiya-moma-tok
 come.and   enter-1SG-when.DS-TNS   sing-PTCP.SS   stand.INCOMPL-REP-PST
 ‘Когда я вошел, он все еще пел’.

Для языков с рефактивно-континуативной полисемией характерна ситуация, когда соответствующий показатель выражает значение континуатива в сочетании с имперфективными глагольными формами и рефактивное значение в сочетании с перфективными глагольными формами. (О выборе рефактивной vs. континуативной интерпретации показателя рефактива-континуатива в зависимости от аспектуальных характеристик глагола на материале итальянского и французского наречий см. [Tovena, Donazzan 2008].)

3.4. Значения актантной деривации: рефлексив, реципрок

Показатели рефактива в некоторых языках используются в рефлексивном контексте. Такая стратегия рефлексивизации особенно характерна для языков Океании (см. [Lichtenberk 1991; Moysse-Faurie 2008]). С помощью показателя рефактива могут быть образованы как глагольные, так и именные рефлексивы. Ср. пример из адыгейского языка, в котором рефактивный показатель (наряду со специализированным, также глагольным показателем рефлексива) оформляет глагол в рефлексивном контексте, и пример из австралийского языка банджаланг, в котором показатель, выступающий в рефактивном значении как глагольный маркер, оформляет в рефлексивном контексте личное местоимение:

(46) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Рогава, Керашева 1966: 312]

ze-plə-ž'ə-ɨ

REFL-смотреть-REP-PST

‘Он посмотрел на себя’.

- (47) банджаланг (пама-ньюнга, Австралия), [Geytenbeek, Geytenbeek 1971: 15]
 njule-**bu**   gawga-ni   djuŋuŋ-u
 он-**REP**   резать-PST   нож-INS
 ‘Он порезался ножом’.

Рефактивные показатели в рефлексивном контексте и формально, и функционально близки к интенсификаторам, употребление которых в рефлексивной функции (ср. английское *himself*) более частотно и широко известно (см., например, [Лютикова 2002]). Как и интенсификаторы, рефактивные показатели в рефлексивном контексте часто а) выступают не в качестве единственного рефлексивного средства, а в качестве дополнительного средства наряду со специализированным показателем рефлексива (как в примере (46) из адыгейского языка); б) факультативны в рефлексивном контексте; в) служат средством образования «тяжелых рефлексивов» (в терминологии [Kemmer 1993]).

Что касается семантической связи рефактивной зоны с рефлексивным значением, то интуитивно наиболее естественным кажется предположение о связи через значение редитива. Рефлексивное действие можно метафорически представить как направленное субъектом **обратно** к самому себе¹⁰. В пользу подобного сценария говорят данные языков, в которых рефлексивное значение выражает специализированный показатель редитива или глагол ‘возвращаться’ (например, океанийских языков паичи, хуаилу, халиа [Moyses-Faurie 2008]).

При этом не противоречит интуиции и гипотеза о непосредственной семантической связи между рефлексивным и репетитивным значением. Здесь следует вспомнить о противопоставлении глагольных vs. именных рефлексивов. Если для глагольного рефлексива связь между идеей повторного действия и рефлексивного действия не вполне очевидна, то в ситуации именного рефлексива, когда рефактивный показатель присоединяется к личному местоимению, указывающему на совпадающего с субъектом участника ситуации, она вполне прозрачна. Оформление участника ситуации рефактивным показателем указывает на то, что он появляется в ней – в новой роли – *еще раз, повторно*. В пользу этого сценария говорят данные языков, в которых рефлексив оформляется чисто репетитивным маркером (ср., например, показатель *anoo* в маори [Bauer 1999]).

Наряду с полисемией рефактива и рефлексива отмечаются единичные случаи использования рефактивных показателей в функции реципрока (48) и автобенефактива (‘делать в свою пользу’) (49):

- (48) восточный амбаэ, диалект лоловоли (австронезийские, Вануату), [Hyslop 2001]
 ga=u   wehe=ga   **taligu**
 3PL.A   бить=3PL.P   **опять**
 1) ‘Они бьют друг друга’.
 2) ‘Они_i опять бьют их_j’.
- (49) карок (хока, Калифорния), [Bright 1957: 88]
 а) ?áko ‘ударить’ – p-áko ‘ударить еще раз’
 б) iyaka ‘убивать’ – p-iyaka ‘убивать для себя, например, забивать (скот)’

3.5. Модально-дискурсивные значения

Рефактивные показатели часто используются для выражения значений, которые можно объединить под общим именем модально-дискурсивных. В частности, для некоторых языков отмечается употребление рефактива для обозначения неожиданности или противоречия ожиданиям (так называемые адмиративные значения):

¹⁰ Та же метафора используется в традиционных терминах «возвратный глагол», «возвратное местоимение».

- (50) тепева-веветла (тотонакские, Мексика), [Kung 2007: 297]
 maа toqlh ?an-**paа** juu laka-jip
 RPT burning go-**REP.PFV** ART PREF-fire
 ‘Она (неожиданно) прыгнула в огонь’.

Этот тип полисемии можно связать с постепенным вынесением на первый план идеи неожиданности, сопутствующей рефактивному (репетитивному) значению изначально¹¹, через эмфатические употребления рефактива: опять (вопреки ожиданиям) > опять, вопреки ожиданиям > вопреки ожиданиям.

В аравакских языках янеша (суффикс *-err*) [Duff-Tripp 1997: 87–88] и какинте (суффикс *-ah*) [Swift 1988: 51] отмечаются употребления показателей рефактива для указания на кульминацию в нарративе. Как и употребления в значении ‘противоречия ожиданиям’, употребления для указания на кульминацию, видимо, связаны (хотя и менее явным образом) с прагматической выделенностью, нетривиальностью ситуации повторения.

Рефактивные показатели (в особенности лексические) часто используются для указания на то, что описываемая ситуация в определенном смысле уподобляется некоторой ранее упомянутой (служит ее логическим и/или хронологическим продолжением, подтверждением, уточнением, частным случаем и т. п.). Более характерны такие употребления для неморфологических показателей (ср. дискурсивные употребления английского *again* или русское *опять же*). Известны случаи грамматикализации рефактивного маркера в сочинительный союз (ср. [Mithun 1988: 353; Wälchli 2006: 89]).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе на типологическом материале морфологических показателей рефактива предложена гипотеза об организации семантической зоны рефактива как распадающейся на два подпространства – подпространство *повторения*, организованное вокруг репетитивного значения (‘сделать еще раз’), и подпространство *возвращения*, организованное вокруг значения редитива (‘двигаться обратно’). Введено противопоставление центральных (редитив, реститутив, репетитив) vs. периферийных значений на основании частотности их морфологического выражения в языках мира. Выявлены основные семантические типы рефактивных аффиксов – **широкие** рефактивы (редитив + реститутив + репетитив), рефактивы **возвращения** (редитив + реститутив + респонсив), рефактивы **повторения** (репетитив + непосредственно с ним связанные периферийные значения), а также **непространственные** рефактивы (реститутив + репетитив). Наши данные показывают, что морфологический рефактив, как правило, совмещает несколько значений в одном показателе, при этом самым распространенным типом рефактива является широкий рефактив, объединяющий все три центральных значения рефактивной зоны. Среди семантически более далеких значений, которые способны выражаться тем же показателем, что и рефактивное, выявлены такие значения, как пролатив, значение сопутствующего движения, разные типы значений глагольной множественности, реверсив, интенсификатор, континуатив, адмиратив и некоторые другие модально-дискурсивные значения. Зафиксированы также различные стратегии использования рефактивного показателя для выражения значений актантной деривации – в рефлексивных и реципрокальных конструкциях.

¹¹ Значение однократного повторения ситуации само по себе предполагает прагматический компонент неожиданности. Ситуации в действительности повторяются гораздо чаще, чем говорящие сообщают об этом. Очень немногие ситуации реального мира абсолютно уникальны. Несколько огрубляя, можно считать, что репетитив в большей степени имеет отношение к представлению ситуации, чем к отражению ее денотативных особенностей, то есть речь идет не о противопоставлении повторных и неповторных ситуаций, а о противопоставлении ситуаций, для которых говорящему важно, что они повторные, и тех, для которых это неважно. Рассуждения на эту тему см. в [Wälchli 2006: 69–70, 103–104; Fabricius-Hansen 2001].

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо	INF – инфинитив
A – агенс	INS – инструменталис
ABS – абсолютив	IPFV – имперфектив
ACC – аккузатив	IPRF – имперфект
ALL – аллатив	IRR – ирреалис
ART – артикль	NEG – отрицание
ASP – аспект	NFUT – небудущее время
CAUS – каузатив	NPST – непрошедшее время
CLF – класс	OBJ – объект
COMPL – комплетив	P – пациенс
COND – кондиционалис	PAUS – пауза
COP – копула	PFV – перфектив
DAT – датив	PL – множественное число
DEL – делимитатив	POSS – посессив
DET – детерминант	PREF – пространственный префикс
DS – нетождественный субъект	PRF – перфект
DUR – дуратив	PROG – прогрессив
EMPH – эмфатический показатель	PROH – прохибитив
ERG – эргатив	PST – прошедшее время
EXCL – эксклюзив	PTCL – частица
FOC – фокус	PTCP – причастие
FUT – будущее время	Q – вопрос
GEN – генитив	REFL – рефлексив
HAB – хабитуалис	RPT – репортатив
IMP – императив	SBJ – субъект
INCH – инхоатив	SG – единственное число
INCOMPL – инкомплетив	SS – тождественный субъект
IND – индикатив	TNS – время
	VOL – волитив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенова, Топорова 2002 – *И.С. Аксенова, И.Н. Топорова*. Грамматика языка аква. М., 2002.
- Аркадьев, Короткова 2010 – *П.М. Аркадьев, Н.А. Короткова*. The suffix -ž'ə-: A reflexive story. Доклад, представленный на семинаре адыгейской экспедиции. Хагажукай, 29.07.2010.
- Коваль, Нялибули 1997 – *А.И. Коваль, Б.А. Нялибули*. Глагол фула в типологическом освещении. М., 1997.
- Лютикова 2002 – *Е.А. Лютикова*. Когнитивная типология: Рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)
- Оненко 1980 – *С.Н. Оненко*. Нанайско-русский словарь. М., 1980.
- Оскольская 2010 – *С.А. Оскольская*. Рефактивный показатель в нанайском языке // Докл. на XIII Межвузовской науч. конф. студентов-филологов. СПбГУ, 09.04.2010.
- Падучева 2001 – *Е.В. Падучева*. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 2001.
- Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Плунгян 1992 – *В.А. Плунгян*. Глагол в агглютинативном языке (на материале догон). М., 1992.
- Рogaва, Керашева 1966 – *Г.В. Рogaва, З.И. Керашева*. Грамматика адыгейского литературного языка. Краснодар; Майкоп, 1966.
- Шлуинский 2005 – *А.Б. Шлуинский*. Типология предикатной множественности: Количественные акспекуальные значения. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Aikhenvald 1998 – *A. Aikhenvald*. Warekena // D.C. Derbyshire, G.K. Pullum (eds.). Handbook of Amazonian languages. V. 4. Berlin, 1998.
- Arnott 1970 – *D.W. Arnott*. The nominal and verbal system of Fula. Oxford, 1970.
- Bauer 1999 – *W. Bauer*. Maori. London, 1999.

- Breedveld 1995 – *J. O. Breedveld*. Form and meaning in Fulfulde: A morphophonological study of Maasinankoo. Leiden, 1995.
- Bright 1957 – *W. Bright*. The Karok language. Berkeley, 1957.
- Broadwell 2006 – *G.A. Broadwell*. A Choctaw reference grammar. Lincoln, 2006.
- Camargo 2010 – *E. Camargo*. Dictionnaire bilingue Wayana-Français. Villejuif, 2010.
- Coupez 1985 – *A. Coupez*. La dérivation verbale en Rwanda // Y. Cadiou (ed.). Le Kinyarwanda: Études de morpho-syntaxe. Louvain, 1985.
- Crook 1999 – *H.D. Crook*. The phonology and morphology of Nez-Perce Stress. PhD thesis. Los Angeles, 1999.
- Cysouw et al. 2010 – *M. Cysouw, M. Haspelmath, A. Malchukov*. Semantic maps: Methods and applications // *Linguistic discovery*. V. 8 (1) (Special issue). 2010.
- Dammann 1959 – *E. Dammann*. Inversiva und Repetitiva in Bantusprachen // *Afrika und Übersee*. 1959. 43.
- Davis 2003 – *K. Davis*. A grammar of Hoava language, Western Solomons. Canberra, 2003.
- De Wolf 1987 – *P. De Wolf*. Further verbal extensions in Nojaare Fulani: Reciprocal, iterative, iterative-reciprocal and verbalizing extensions // *Afrika und Übersee*. 1987. 70.
- Duden 1999 – Duden. Das grosse Wörterbuch der deutscher Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1999.
- Duff-Tripp 1997 – *M. Duff-Tripp*. Gramática del idioma yanasha' (amuesha). Lima, 1997.
- Elders 2008 – *S. Elders*. Grammaire kulango (parler de Bouna, Côte d'Ivoire). Köln, 2008.
- Evans 1995 – *N. Evans*. A-quantifiers and scope in Mayali // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.). Quantification in natural languages. Dordrecht, 1995.
- Fabricius-Hansen 2001 – *C. Fabricius-Hansen*. "Wi(e)der" and "Again(st)" // C. Féry, W. Sternefeld (eds.). *Audiatur vox sapientiae: A Festschrift for Arnim von Stechow*. Berlin, 2001.
- Feldpausch, Feldpausch 1992 – *T. Feldpausch, B. Feldpausch*. Namia grammar essentials. Ukarumpa, 1992.
- Geytenbeek, Geytenbeek 1971 – *B. Geytenbeek, H. Geytenbeek*. Gidabal grammar and dictionary. Canberra, 1971.
- Guillaume 2008 – *A. Guillaume*. A grammar of Cavineña. Berlin, 2008.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). *The new psychology of language*. V. 2. New Jersey, 2003.
- Hoffmann 1955 – *C.F. Hoffmann*. Untersuchungen zur Struktur und sprachlichen Stellung des Bura. Hamburg, 1955.
- Hoffmann 1963 – *C.F. Hoffmann*. A grammar of the Margi language. London, 1963.
- Huitink 2003 – *J. Huitink*. We cannot have pizza again // M. Stede, H. Zeevat (eds.). *Proceedings of the ESSLLI 2003 workshop The meaning and implementation of discourse particles*. Vienna, 2003.
- Hyslop 2001 – *C. Hyslop*. The Lolovoli dialect of the North-East Ambae language, Vanuatu. Canberra, 2001.
- Kamp, Rossdeutscher 1994 – *H. Kamp, A. Rossdeutscher*. DRS-construction and lexically driven interference // *Theoretical linguistics*. 1994. 20 (2/3).
- Kaumba Kawasha 2003 – *B. Kaumba Kawasha*. Lunda grammar: A morphosyntactic and semantic analysis. Ann Arbor, 2003.
- Kemmer 1993 – *S. Kemmer*. The middle voice. Amsterdam, 1993.
- Kung 2007 – *S. Kung*. A descriptive grammar of Huehuetla Tepehua. Ann Arbor, 2007.
- LaPolla, Huang 2003 – *R.J. LaPolla, Ch. Huang*. A grammar of Qiang, with annotated texts and glossary. Berlin, 2003.
- Lihtenberk 1991 – *F. Lichtenberk*. Semantic change and heterosemy in grammaticalization // *Language*. 1991. 67 (3).
- Maisak, Merdanova 2011 – *T. Maisak, S. Merdanova*. Repetitive prefix in Agul and its areal/genetic background // Talk delivered at conference on Caucasian languages, Mai 13–15. Leipzig, 2011.
- Matthews, Yip 1994 – *S. Matthews, V. Yip*. Cantonese: a comprehensive grammar. London, 1994.
- Mithun 1988 – *M. Mithun*. The grammaticization of coordination // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam, 1988.
- Morgan 1996 – *D.R. Morgan*. Overview of grammatical structures of Ndut: A Cangin language of Senegal. Arlington, 1996.
- Moyse-Faurie 2008 – *C. Moyse-Faurie*. Constructions expressing middle, reflexive and reciprocal situations in some Oceanic languages // V. Gast, E. König. *Reciprocals and reflexives: Cross-linguistic explorations*. Berlin, 2008.

- Nikolaeva et al. 2003 – *I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya, M. Tolskaya*. Udeghe texts. Osaka, 2003.
- Patz 2002 – *E. Patz*. A grammar of the Kuku Yalanji language of north Queensland. Canberra, 2002.
- Rice 2000 – *K. Rice*. Morpheme order and semantic scope: Word formation in the Athapaskan verb. Cambridge, 2000.
- Robert 1992 – Le grand Robert de la langue française. Deuxième édition. Paris, 1992.
- Schadeberg 1982 – *Th.C. Schadeberg*. Les suffixes verbaux séparatifs en Bantou // Sprache und Geschichte in Afrika. 1982. 4.
- Schadeberg 2003 — *Th.C. Schadeberg*. Derivation // D. Nurse, G. Philippson (eds.). The Bantu languages. London, 2003.
- Smeets 2008 – *I. Smeets*. A grammar of Mapuche. Berlin, 2008.
- von Stechow 1996 – *A. von Stechow*. The different readings of wieder “Again”: A structural account // Journal of semantics. 1996. 13.
- Swift 1988 – *K.E. Swift*. Morfologia del Caquinte (Arawak Preandino). Yarinacochoa, 1988.
- Tovena, Donazzan 2008 – *L.M. Tovena, M. Donazzan*. On ways of repeating // Recherches linguistiques de Valenciennes. 2008. 37.
- Vogel 2006 – *A. Vogel*. Jarawara-English dictionary. Cuiabá, 2006.
- Voort 2004 – *H. van der Voort*. A grammar of Kwaza. Berlin; New York, 2004.
- Wälchli 2006 – *B. Wälchli*. Typology of light and heavy ‘again’, or the eternal return of the same // Studies in language. 2006. 30 (1).
- Wichmann 1992 – *S. Wichmann*. A semantic framework for Azoyú Tlapanec iterative // Acta linguistica hafniensia. 1992. V. 25.
- Wilkins 1989 – *D.P. Wilkins*. Mparntwe Arrernte (Aranda): Studies in the structure and semantics of grammar. Canberra, 1989.

Приложение

Список морфологических показателей рефактива, вошедших в основную выборку

язык	генетическая принадлежность	географическая принадлежность	показатель рефактива
моно	адамава-убанги < нигер-конго	Африка	krá-
ндут	атлантические < нигер-конго	Африка	-il
бадьяранке	атлантические < нигер-конго	Африка	-a:s
фула, фута джалон	атлантические < нигер-конго	Африка	-t
какабе	манде < нигер-конго	Африка	ta-
боле	чадские < афро-азиатские	Африка	-di
аранда	пама-ньюнга	Австралия, Океания, Н. Гвинея	-irtne
банджаланг	пама-ньюнга	Австралия, Океания, Н. Гвинея	-bu
майали	гунвингу	Австралия, Океания, Н. Гвинея	yawoih-

намиа	сепик-раму	Австралия, Океания, Н. Гвинея	para-
автув	сепик-раму	Австралия, Океания, Н. Гвинея	owra-
тобело	западнопапуасские	Австралия, Океания, Н. Гвинея	-oli
цян	сино-тибетские < тибето-бирманские	Азия	-je
нанайский	тунгусо-маньчжурские	Азия	-gu
немецкий	германские < индоевропейские	Европа	wieder-, zurück-
французский	романские < индоевропейские	Европа	re-
адыгейский	абхазо-адыгские < северокавказские	Европа	-ž'ə
агульский	нахско-дагестанские < северокавказские	Европа	q-
ассинибойн	сиу	Северная Америка	ki-
не-персе	пенути	Северная Америка	-tooq
колумбия-венатчи	салишские	Северная Америка	l-
тепева-веветла	тотонакские	Центральная Америка	-choqo
асоюу тлапанек	отомангские	Центральная Америка	-li
олюта пополюка	михе-зоке	Центральная Америка	-pow
кваса	изоляты	Южная Америка	-t
хуп	изоляты	Южная Америка	-b'ay
мапуче	арауканские	Южная Америка	-tu
жаравара	араванские	Южная Америка	-ma
вайана	карибские	Южная Америка	-(j)(t)mě
парагвайский гуарани	тупи-гуарани	Южная Америка	-je(v)y
кавиненья	таканские	Южная Америка	-nuka
какинте	аравакские	Южная Америка	-ah

Сведения об авторе:

Наталья Марковна Стойнова
МГУ им. Ломоносова,
ИРЯ им. Виноградова РАН
ashl@yandex.ru